

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

ОПАСНОЕ ЛЕТО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х37

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernest Hemingway

THE DANGEROUS SUMMER

Перевод с английского *А. Аракелова*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights
Trust и литературного агентства Fort Ross. Inc.

Хемингуэй, Эрнест.

Х37 **Опасное лето** : [роман] / Эрнест Хемингуэй ;
[перевод с английского А. Аракелова]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Эксклюзив-
ная классика).

ISBN 978-5-17-111372-8

Коррида. Эта жестокая, кровавая, опасная испанская забава завораживала Хемингуэя с юности. И теперь он спустя много лет вновь возвращается в Испанию, где когда-то жил и любил, творил и сражался в гражданской войне, чтобы опять броситься в водоворот корриды.

Начинается сезон боев быков и вместе с ним новый виток противостояния двух тореро: «восходящей звезды» корриды — молодого и бесстрашного Антонио — и опытного, не знающего неудач Луиса Мигеля.

Их соперничество этим поистине опасным летом придаст игре со смертью особенно пряный аромат...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Ernest Hemingway, 1960

© Перевод. А. Аракелов, 2018

ISBN 978-5-17-111372-8 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Странно было снова ехать в Испанию. Я не рассчитывал, что мне позволят когда-нибудь еще приехать в эту страну, которую я любил больше всего на свете — после своей родины — и в которую тем не менее не хотел возвращаться, пока мои друзья находятся за решеткой. Но весной 1953 года на Кубе мне довелось переговорить с несколькими друзьями, которые в гражданскую войну находились по разные стороны линии фронта. Мы обсудили возможность посетить Испанию по дороге в Африку, и они согласились, что я смогу достойно вернуться туда, если не стану отрекаться от написанного и распространяться о политике. Даже за визой не придется обращаться. Туристам из Америки она больше не нужна.

К 1953 году уже никто из моих друзей не томился в тюрьме, поэтому я планировал показать моей жене Мэри феерию в Памплоне, потом заехать в Мадрид, посмотреть Прадо, после чего, если мы останемся на свободе, посетить бои быков в Валенсии. Далее мы собирались сесть на корабль, направлявшийся в Африку. Я понимал,

что Мэри ничего не грозит, так как прежде она не бывала в Испании и общалась лишь с людьми с безупречной репутацией. В случае чего они обязательно придут ей на помощь.

Мы быстро миновали Париж и пересекли остальную Францию, через Шартр, долину Луары, мимо Бордо добравшись до Биаррица, где нас должны были ждать несколько знакомых, чтобы всем вместе пересечь границу. Мы хорошо поели и выпили, условились встретиться в нашем отеле на пляже Андая, чтобы оттуда ехать к границе. У одного из наших друзей было письмо от герцога Мигеля Примо де Ривера, на тот момент посла Испании в Лондоне. Предполагалось, что эта бумага оградит нас от любых неприятностей. Меня это немного приободрило.

Когда мы добрались до Андая, небо затянуло облаками. Утром погода оставалась мрачной и дождливой: плотный туман и облака скрыли от нас горы Испании. В условленное время наши друзья не появились. Мы подождали час, потом еще полчаса и, не дождавшись их, двинулись к границе.

На пропускном пункте веселее не стало. Я отдал четыре наших паспорта полиции. Инспектор, не поднимая глаз, принялся внимательно изучать мои документы.

— Вы не родственник ли писателю Хемингуэю? — спросил он, по-прежнему не глядя на меня.

— Мы из одной семьи, — ответил я.

Он пролистал мой паспорт и уставился на фотографию.

— Вы тот самый Хемингуэй?

Я вытянулся в подобие стойки «смирно» и сказал:

— *A sus ordenes.* — По-испански эта фраза значит не только «к вашим услугам», но и «в вашем распоряжении». Я слышал, как ее употребляли в совершенно разных обстоятельствах, и надеялся, что произнес ее правильно и соответствующим тоном.

Как бы то ни было, пограничник встал и протянул мне руку со словами:

— Я прочел все ваши книги и высоко их ценю. Сейчас я поставлю в паспорта необходимые штампы и помогу вам пройти таможду.

Так мы попали в Испанию, и все шло лучше, чем можно было ожидать. Всякий раз, когда нас останавливал патруль — на трассе вдоль реки Бидасоа мы насчитали три пропускных пункта, — я ожидал, что нас арестуют и вернут на границу. Но всякий раз патрульные вежливо, хоть и внимательно, изучали наши паспорта и доброжелательно пропускали нас дальше. «Мы» — это пара американцев, приветливый венецианец Джанфранко Иванчич и итальянский водитель из Удине, который направлялся на праздник Сан-Фермин в Памплоне. Джанфранко, бывший кавалерийский офицер, воевал под командованием Роммеля. Мы близко подружились с ним,

когда он работал на Кубе и жил в нашем доме. Он встретил нас в Гавре. Водитель Адамо собирался стать гробовщиком и похоронным распорядителем. Кстати, он осуществил свою мечту, и, если вам доведется умереть в Удине, вы сможете воспользоваться его услугами. Никто не спрашивал, на чьей стороне он сражался в годы гражданской войны. В ту первую поездку я для собственного спокойствия иногда говорил себе, что на обеих. Узнав Адамо поближе, будучи восхищенным многогранностью его талантов, достойной Леонардо, я не видел в этом ничего невозможного. Он мог сражаться на одной стороне ради своих принципов, на другой — за свою страну или город Удине, а если бы существовала третья сторона, он мог бы драться и на ней — за Бога, или за компанию «Лянча», или индустрию похоронных контор, или за всех, кому он был одинаково глубоко предан.

Если вы, как и я, любите повеселиться, берите с собой в поездку уроженцев Италии. Нашими спутниками были два отменных представителя этой страны и почтенная «Лянча», которая преодолевала склоны зеленой долины Бидасоа по дороге, тесно обсаженной каштанами. Увидев просветы в тумане, я понял, что за перевалом, когда серпантин выведет нас на плоскогорье Наварры, небо очистится.

Предполагается, что эта книга о корриде, но я тогда мало интересовался боем быков, разве что хотел показать ее Мэри и Джанфранко. Мэри

видела Манолете во время его последнего визита в Мексику. День был ветреный, ему достались два паршивых быка, но Мэри понравилась коррида, и я знал, что раз уж ей понравилось даже такое никудышное представление, то настоящий бой быков наверняка придется по душе. Говорят, что, если можешь забыть корриду на год, можешь забыть ее навсегда. Это не совсем так, но зерно истины тут есть, я и сам не посещал корриду четырнадцать лет, если не считать боев в Мексике. Правда, моя ситуация больше походила на тюремное заключение, с той лишь разницей, что я был заперт не внутри, а снаружи.

Я читал сам и слышал от друзей, которым доверяю, о том, что творилось во времена славы Манолете и даже позже. Чтобы защитить известных матадоров, быкам срезали кончики рогов, а потом подтачивали их, чтобы они казались настоящими. Но на самом деле рога становились чувствительными, как слишком коротко срезанный ноготь. Боднув ими деревянные доски барьеры, бык испытывал боль и после этого старался избегать любых столкновений. То же касалось и тяжелых холщовых панцирей, которыми защищали лошадей на арене.

Из-за укороченных рогов бык терял ощущение дистанции, и неловкий матадор подвергался гораздо меньшей опасности. Бык учится пользоваться рогами на ферме в ежедневных и нередко серьезных схватках с собратьями. Год от года он

орудует рогами все искуснее и точнее. Поэтому импресарио некоторых знаменитых матадоров и десятков матадоров похуже убеждали заводчиков выводить так называемых медии-торо, полубыков. Это бык чуть старше трех лет, который обычно неуверенно действует рогами. Чтобы его ноги были не слишком крепкими и он быстро уставал от мулеты, он должен был поменьше ходить от пастбища к поилке. Для соблюдения требований к весу его кормили зерном, так что он выглядел как бык, весил, как бык, и рвался в бой, как бык. Но на самом деле это был всего лишь полубык, который легко уступал боли, становился податливым и к концу схватки, если матадор его не щадил, оказывался совершенно беспомощным.

Такой бык все равно может смертельно ранить человека одним взмахом даже подпиленного рога. Немало людей пострадали в боях с быками, чьи рога были укорочены. Но с таким быком работать как минимум в десять раз легче, а убить его в десять раз проще.

Рядовой зритель не заметит подпиленных рогов, поскольку не имеет особого опыта в этом деле и может не обратить внимания на легкую сероватую потертость. Он смотрит на кончики рогов и видит черные блестящие острия и не знает, что рог отполирован и смазан отработанным машинным маслом. Оно придает рогам блеск ярче, чем седельное масло — потрепанным охотничьим сапогам, но для опытного наблюдателя все это так

же очевидно, как для ювелира изъян в бриллианте, и заметно с большого расстояния.

Во времена Манолете и в последующие годы нечистые на руку импресарио часто сами были устроителями боев, или были связаны с устроителями, или с устроителями и определенными заводчиками. Идеальным быком для их матадоров был медии-торо, и многие заводчики выращивали таких быков в больших количествах. Их выводили малорослыми, чтобы они были быстрыми, чтобы их было легко разъярить и легко сломать, а потом раскармливали зерном, чтобы животные казались большими и сильными. О рогах можно было не беспокоиться. Рога подпиливали, и публика наблюдала, как матадоры творили с такими быками чудеса: поворачивались к ним спиной, глядя на публику, пропускали быка под рукой, становились на колени перед взбешенным животным и прикладывали левый локоть к уху быка, делая вид, что говорят с ним по телефону, гладили их по рогам и, как плохие актеры, отбрасывали шпагу и мулету, обращаясь к публике, когда бык, замороженный, истекавший кровью, еще цеплялся за жизнь. И все эти цирковые фокусы публика принимала за Золотой век корриды.

Если нечистоплотным импресарио приходилось принимать настоящих быков с нетронутыми рогами, с животными всегда могло что-то случиться в темных закоулках или каменных стойлах при арене, где их держали в день корриды.

Бывало, что днем, в ходе апартадо (отбора, когда быков распределяют по стойлам), у быка горели глаза, он был быстр, как кошка, и крепко стоял на всех четырех ногах, а позже тот же бык выходил шатаясь, припадая на задние конечности, потому что кто-то уронил тяжелый мешок с зерном ему на хребет. Или бык выходил на арену сонный, как сомнамбула, и матадору приходилось пробиваться сквозь туман к оглушенному животному, которое не замечало ничего вокруг, забыв, для чего ему такие роскошные рога, потому что кто-то вколол ему лошадиную дозу барбитуратов.

Конечно, иногда в боях попадались настоящие быки с «честными» рогами. Лучшие бойцы умели с ними управляться, но не жаждали этого — слишком опасно. Однако каждый год им приходилось проводить несколько таких боев.

Так что по множеству причин, особенно потому, что я в целом охладел к спортивным зрелищам, бои быков не вызывали у меня прежних эмоций. Но за прошедшие годы выросло новое поколение тореро, и мне не терпелось их увидеть. Я знал их отцов, некоторых очень хорошо, но слишком многие из них погибли, слишком многие перестали выступать из-за страха и по другим причинам, так что я решил никогда больше не заводить дружбы с тореадорами. Слишком много было переживаний за них и вместе с ними, когда они пасовали перед быком от страха или неуверенности, порождаемой страхом.

В том году мы остановились не в самой Памплоне, а в Лекумберри и каждое утро проезжали двадцать пять миль, чтобы быть там к половине седьмого утра, поскольку в семь начинался бег быков. Наши друзья разместились там же в гостинице, и на семь дней мы все погрузились в ежегодное местное буйство. Через неделю нестихающего веселья мы достаточно хорошо узнали друг друга и по большей части сдружились между собой, а значит, фиеста выдалась на славу. Если вначале сверкающий «Роллс-Ройс» графа Дадли казался мне слегка претенциозным, то теперь я находил его очаровательным. Как и все в тот год.

Джанфранко присоединился к одной питейно-танцевальной куадрилье, состоявшей из чистильщиков обуви и начинающих карманников. В результате он редко пользовался своей кроватью в Лекумберри и ненадолго стал местной знаменитостью. На ночлег он устраивался посреди огороженного прохода, через который быков запускали на арену: боялся проспать и пропустить энсьерро. Не пропустил. Быки пробежали прямо по нему. Вся его куадрилья ужасно им гордилась.

Адамо каждое утро выходил на арену и требовал, чтобы ему позволили убить быка, но у организаторов были другие планы.

Погода стояла отвратительная, Мэри промокла насквозь и подхватила тяжелую простуду. Потом жар не отпускал ее даже в Мадриде. Сами бои тоже были не очень, кроме одного истори-

ческого события: мы впервые увидели Антонио Ордоньеса.

Я разглядел в нем величие по первому — медленному и плавному — взмаху плаща. Я словно увидел всех вместе великих мастеров капоте — а их было немало — живыми и снова в бою, только он превосходил их. С мулетой он был безупречен. Он убивал красиво и легко. Внимательно и придирчиво следя за его движениями, я понял, что он станет величайшим матадором, если избежит серьезных происшествий. Тогда я не знал, что он добьется величия без всяких «если» и опасные ранения придадут ему еще больше страсти и пыла.

Много лет назад я был близко знаком с его отцом, Каэтано, написал с него матадора в романе «И восходит солнце». Все, происходившее на арене, в книге было взято из действительности, из его подлинных боев. Все, что касалось событий вне арены, было плодом моей фантазии. Ему всегда это было известно, но он никогда не протестовал и не жаловался.

Наблюдая, как Антонио работает с быком, я убедился, что он унаследовал все мастерство, которое его отец показывал в свои лучшие годы. Техника Каэтано была доведена до совершенства. Он так управлял своими подчиненными, пикадорами и бандерильеро, что все взаимодействие с быком, все три акта пьесы, заканчивавшейся смертью животного, были размеренными и ло-

гичными. Антонио превзошел его: каждое движение капоте с момента появления быка на арене, каждый шаг пикадора, каждый удар его пики искусно направлялись так, чтобы подвести быка к финальному акту боя — подчинить его алой ткани мулеты и подготовить к смерти от клинка.

В наше время матадору недостаточно просто подчинить себе быка при помощи мулеты, чтобы заколоть его шпагой. Ему необходимо выполнить несколько классических маневров, прежде чем убить быка, если тот еще способен атаковать. Бык должен пронестись буквально в сантиметрах от тела матадора, чтобы опасность зацепить его рогами казалась вполне реальной. Чем ближе бык, увлекаемый и направляемый человеком, подбирается к нему, тем острее азарт зрителя. Классические паса невероятно опасны, и матадор управляет быком при помощи куска алой материи, прикрепленной к метровой палке. Существует множество уловок: например, тореро проходит мимо быка, вместо того чтобы пропустить его мимо себя, или использует собственный рывок животного, по сути салютуя ему мулетой, вместо того чтобы направлять. Наиболее эффектный трюк — повернуться к быку спиной, но быки атакуют по прямой, и матадор, зная эту их повадку, встает так, чтобы не подвергать себя особой опасности. С тем же успехом он мог бы демонстрировать свое искусство в паре с трамваем, но публике подобные вещи нравятся.

Впервые наблюдая бой Антонио Ордоньеса, я убедился, что он способен честно, без фальши исполнять все классические пассе, что он понимает быков, что может, если захочет, убивать чисто и что он гениально владеет капоте. Я видел в нем три качества, обязательные для великого матадора: смелость, профессиональное мастерство и умение безукоризненно держаться в момент смертельной опасности. Но когда после боя наш общий друг сказал мне, что Антонио хотел бы встретиться со мной в отеле «Йолди», где он остановился, первой моей мыслью было: только не заводи снова дружбу с тореро, особенно когда ты знаешь, как он хорош и как велика будет твоя потеря, если с ним что-то случится.

К счастью, я так и не научился внимать собственным добрым советам или прислушиваться к своим страхам. В разговоре с Хесусом Кордовой, мексиканским матадором, который родился в Канзасе и прекрасно говорил по-английски — за день до этого он посвятил мне быка на арене, — я спросил, как пройти к «Йолди», и он вызвался меня проводить. Хесус Кордова был отличным парнем, искусным и умным матадором, мне нравилось с ним общаться. Он довел меня до двери номера Антонио и ушел по своим делам.

Антонио лежал на кровати, он был раздет, лишь причинное место прикрыто полотенцем, как фиговым листом. Я сразу обратил внимание

на его глаза — самые темные, горящие, веселые из всех, что только видел мир, и улыбку проказливого шалопаю. Мой взгляд невольно упал на шрамы на его правом бедре. Антонию протянул мне левую руку — правую он сильно порезал, приканчивая второго быка, — и сказал:

— Присядьте. Скажите, я так же хорош, как мой отец?

Глядя в эти необычные глаза, на эту улыбку, которая растаяла, как и любые сомнения в том, что мы подружимся, я ответил Антонию, что он лучше отца, и рассказал, насколько хорош был тот. Мы поговорили о его раненой руке. Он сказал, что через два дня снова выйдет на арену. Порез был глубокий, но клинок не задел связок или сухожилий. Зазвонил телефон: это была невеста Антонию, Кармен, дочь Домингина, его агента, и сестра Луиса Мигеля Домингина, матадора. Я извинился и отошел, не желая мешать разговору. Когда Антонию повесил трубку, я вернулся, чтобы попрощаться. Мы договорились встретиться в «Эль-Рей-Нобле» и расстались друзьями.

На тот момент Луис Мигель Домингин уже завершил карьеру. Мы познакомились с ним на его ферме Вилла-Пас недалеко от Саэлисес, между Мадридом и Валенсией. С его отцом мы были знакомы много лет. Он был хорошим матадором в годы, когда выступали два великих матадора, а впоследствии превратился в умелого и успеш-